

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИИ

**ТАТУИРОВАННАЯ
КОЖА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Орловой Анастасии

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Татуированная кожа : [роман] / Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-094714-0

Еще в детстве он понял, что грубая сила решает в жизни больше, чем доброе слово. При призыве в армию случай забросил его в бригаду специального назначения, где это убеждение укрепилось, а умение применять силу различными способами значительно возросло. Свержение режима в Африке, аресты крупных государственных чиновников, скупка иностранных паспортов у карманников — вот далеко не полный перечень заданий, которые ему пришлось выполнить. Ему изменили имя, биографию, привычки и даже внешность, густо покрыв тело татуировками. Волков — Вольф Расписной стал совсем другим человеком. И в конечном счете татуировки на коже определили его судьбу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094714-0 © Корецкий Д.А. , 2006
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Бац! Бац!

— Давай, Карзубый, введи лоху наркоз! Будет знать, как на лисички¹ жидиться!

Глумливый голос долговязого субъекта в линялой тельняшке с отрезанными рукавами клейко накладывался на вязкие, словно в крутое тесто, удары.

Уличная драка пугает и притягивает одновременно, поэтому зеваки обычно обступают ее таким образом, чтобы, с одной стороны, не пропустить ничего интересного, а с другой — не получить по морде. Диаметр кольца при этом прямо пропорционален чувству уверенности в собственной безопасности. Сейчас в плохо освещенном сквере на Фрунзенской набережной полтора десятка прохожих держались метрах в пяти от развивающегося действия, тем самым демонстрируя отсутствие особого страха и достаточную обыденность происходящего.

Дело действительно было обычным.

Четверо пьяных дегенератов — из тех, кого на зоне называют «бакланами», или «рогометами», или еще как-нибудь похуже, избивали справно домашнего мужика, неосмотрительно выскочившего, на свою беду, по су-

¹Лисички — сигареты (*блатной жаргон*).

меркам из-за надежной стальной двери в каменные джунгли столицы — то ли в магазин, то ли в аптеку, то ли по какой-то другой житейской надобности. Точнее, избивал один — в расхристанной до пупа розовой шведке и с выкрошенными передними зубами. Двое его дружков терлись рядом, злорадно скалясь и иногда отвешивая жертве пинка или зуботычину. Долговязый явно верховодил в этой компании, он стоял чуть в стороне, наслаждался зрелищем и изгалялся в меру своих способностей.

— Сделай ему клоуна, отбей памарки! Гы-гы-гы...

К подобным переделкам мужик был явно не приспособлен: он не пытался сопротивляться или убежать, лишь неловко прикрывал руками разбитое лицо и пятился к реке, нерасчетливо удаляясь от людей, на помощь которых, очевидно, совершенно не надеялся.

И действительно, среди любопытных явно не находилось желающих прийти ему на выручку. Но неожиданно число зрителей прибавилось. Крики и удары привлекли внимание высокого светловолосого парня, с озабоченным видом бредущего по тротуару, он изменил маршрут и вошел в полумрак сквера.

Синяя рубашка с длинными, не по сезону, рукавами туго обтягивала широкие плечи и треугольную спину, джинсы и белые кроссовки довершали наряд. Парень должен был нравиться женщинам — блондин нордического типа, высокий лоб, развитые надбровные дуги, мощный прямой нос с чуть деформированной переносицей, широкий, с ямочкой, подбородок. Облик супермена из голливудского фильма, воплощение мужественности и силы.

Но ему тоже не хотелось вмешиваться: в отличие от экранных героев, у реальных суперменов хватает своих проблем. Взглянув на сцену избиения, он поморщился и повернулся, чтобы уйти.

После очередного удара мужик упал. Парень в джинсах медленно шагал к Комсомольскому проспекту и этого не видел.

— Чердак смажь, Карзубый, да погладь по кумполу! — восторженно взвизгнул длинный. В отличие от десятка опасливо переминающихся с ноги на ногу зевак, он явно ничего не боялся.

И светловолосому это не понравилось. Он поморщился еще раз и развернулся. Движения его стали быстрыми и целеустремленными. Оттолкнув крупного дядьку с полиэтиленовым пакетом в руках, парень рассек круг любопытных и активно вмешался в ход событий.

— Стоять, шакалы! — гаркнул он, легко отшвырнув в сторону Карзубого. — Быстро дергайте отсюда, пока целы!

Парень был не только атлетически сложен, но решителен и уверен в себе. Холодные голубые глаза в жестком прищуре пристально рассматривали противников. Ясно было, что это не простой обыватель. Так ведет себя хозяин, вожак, медведь в волчьей стае, и если бы нападающие были трезвыми, то они скорее всего воспользовались бы советом. Но они были пьяны, к тому же находились на своей территории, а неизвестный, несмотря на свою наглость и силу, являлся здесь чужаком. Три пары мутных глаз вопросительно уставились на старшака.

— Гля, пацаны, ему жить надоело! — ощерил железные «фиксы» долговязый. Костлявая, перевитая венами кисть нырнула в карман и с опасной ловкостью выскользнула обратно. Щелкнула «выкидуха», тускло блеснул остро заточенный клинок.

— Нож! Нож! — Зрители испуганно шархнулись назад, расширяя кольцо. Действие перешло на совершенно другие, опасные рельсы.

— Спрячь, сука, убью! — негромко сказал незнакомец, но долговязый, презрительно сплюнув, присел на

широко расставленных ногах и выставил нож перед собой, то ли выказывая навыки к такого рода работе, то ли подражая героям крутых кинобоевиков.

Избитый мужик, из-за которого и разгорелся сырбор, вжимаясь в землю, отползал в сторону. Но на него уже никто не обращал внимания.

— На кого тянешь, волчара позорный?! — Дружок Карзубого истерически рванул ворот засаленной клетчатой рубахи, горохом застучали по асфальту отлетевшие пуговицы. Мертвенный свет единственного действующего фонаря высветил татуировки на впалой груди: летящего голубя и воткнутый в пенек кинжал, обвитый змеей. Карзубый крадучись обходил наглого фраера слева. Четвертый, с испещренным оспой лицом, привычно зажал между пальцами лезвие бритвы и стал заходить за спину справа.

Кодла действовала слаженно, чувствовалось, что у нее изрядный опыт в таких делах и на счету немало кровавых побед. Но сейчас что-то нарушилось. Карзубый и рябой неожиданно оказались друг перед другом и против своей воли продолжили движение, с силой столкнувшись головами, причем бритва чиркнула совсем не того, кого следовало: Карзубый взвыл, перехватил руку полрой шведки, розовая ткань медленно набухла красным.

Вожак прыгнул на подмогу, но едва успел отвести клинок: вместо врага перед ним оказался рябой кореш, летевший спиной вперед. В следующую секунду два тела с треском столкнулись и сбитыми кеглями повалились в кусты. Со стороны казалось, что все эти диковинные финты они проделывают самостоятельно, по собственной воле, а светловолосый смельчак только ассистирует: помогает, придерживает, направляет.

Но татуированный стоял близко, все видел и понял, что они влипли в глухую. Наступила его очередь: светловолосый парень сделал быстрый скользящий шаг, стре-

нительно сокращая расстояние. Разумней всего было рвать когти, но потом перед своими не оправдаешься. Да и остаться целым при таком раскладе запахло...

— А-а-а-а! — страшно заорал он и присел, лихорадочно шаря руками под собой: хоть камень, хоть палку, хоть кусок трубы, хоть что-нибудь! Как назло, ничего не попадалось, пальцы судорожно скребли по земле и, сжимаясь, хватали воздух.

Удар белой кроссовки чуть не вогнал синего голубя в грудную клетку и опрокинул блатаря вверх тормашками. Теперь чужак повернулся к баюкавшему распоротую руку Карзубому.

— Сейчас, король параши, я тебе клоуна¹ сделаю!

Тот попятился.

— Ты кто? Кончай! Тут непонятка вышла... Ты из чьих?

Ответом послужил жестокий пинок в живот. С утробным всхлипом Карзубый согнулся, но белая кроссовка в том же махе с хрустом подцепила его под челюсть и распрямила, впрочем, стоять он почему-то не стал, а грохнулся спиной наземь.

Светлоголовый легко скользнул в сторону, резко выставил назад левый локоть и развернулся через правое плечо. Прделанный чисто рефлекторно, этот хитрый маневр спас ему жизнь.

Потому что вожак и рябой успели очухаться и бросились сзади, клинок ножа уже хищно нацелился в левую часть поясицы дерзкого чужака, и лишь двадцать сантиметров отделяли холодную острую сталь от нежной почечной паренхимы. Опережающим сознанием длинный уже видел последствия особо изошренного блатного удара: ранение почки вызывает резкое падение кровяного давления и мгновенную смерть. Но у него в очередной раз ничего не вышло — острие выкидухи

¹Делать клоуна — жестоко избивать (*блатной жаргон*).

только распороло выпроставшуюся из джинсов рубаху, а каменный локоть гулко врезался в прогнувшиеся ребра, сбив дыхание и почти остановив сердце. Костлявая кисть разжалась, нож лязгнул об асфальт.

Рябой внезапно оказался с противником лицом к лицу, попытался схватить за горло, но руки соскользнули с мощной шеи и мертвой хваткой вцепились в ворот рубахи. Холодные голубые глаза были совсем близко, они гипнотизировали и внушали животный ужас, рябой понял, что пропал, и безвольно обмяк, мигот утратив агрессивность и потеряв способность к сопротивлению. Страшные глаза резко надвинулись на изрытое оспой лицо, выпуклый лоб глухо ударил в переносицу — словно в праздник Пасхи крашеное яйцо-биток проломило более тонкую скорлупу. Рябой запрокинулся на спину, но кисти не разжал — рубашка незнакомца с треском лопнула, скрюченные пальцы потащили ее за собой, и синяя ткань накрыла разбитую физиономию упавшего, будто кто-то позаботился о покойнике.

Парень снова резко развернулся и сильным боксерским крюком сшиб скособоченного, жадно хватающего воздух главаря. С начала схватки прошло не больше минуты. На асфальтовом пяточке бесформенными кулями валялись три еще недавно грозных хулигана. Четвертый — татуированный — сумел подняться и чуть покачивался на дрожащих ногах, совершенно деморализованный и не способный к дальнейшей схватке. Привыкший доводить дело до конца, светлоголовый шагнул к нему. Тот попятился и бессвязно замычал, выпученными глазами уставясь на оставшегося по пояс голым противника. Окровавленные губы дрожали, растопыренная пятерня поднялась, заслоняя лицо.

Победитель бугрился мышцами. Он явно занимался культуризмом и специально накачивал бицепсы, трицепсы, пресс, грудные, широчайшие, дельтавидные... Но не груда мускулов испугала босяка. Парень был

сплошь покрыт синими узорами татуировок. Многокупольный храм во всю грудь, звезды вокруг сосков, витые погоны на плечах выдавали опыт многочисленных «ходов» в зону и высокое положение в уголовной иерархии. Под ключицами имелась еще одна пара глаз — жестокие, широко открытые, они презрительно разглядывали босяка с его жалкими бакланскими¹ наколками — ничтожного ефрейтора, посмеявшегося схлестнуться с генералом криминального мира.

— Я... Я... Ты... М-м-м...

Баклан был настолько шокирован, что даже потерял способность внятно говорить, и светловолосый, сплюнув, остановился, решив не добивать морально уничтоженного врага. Но поведение генерала не укладывалось в сознании ефрейтора, и, промывавшись, он все же выдал застрявший в гортани вопрос:

— Брателла, как же так... Что же ты своих мочишь?

Лучше бы он промолчал. Странный незнакомец скривился, будто от зубной боли, и вновь рванулся вперед.

— Какой я тебе «свой», мразь...

Длинный прямой удар добавил к трем лежащим еще одно обмякшее тело. Теперь все закончилось окончательно. Зрители стали расходиться.

Татуированный атлет осмотрел поле битвы, усмехнулся.

— Что ж, по-моему, все вышло красиво, — негромко произнес он.

Потом поднял разорванную рубашку, расправил ее, критически хмыкнул и, зажав скомканную ткань под мышкой, направился к избитому мужику, осторожно щупающему в сторонке дрожащими руками начинающее распухать лицо.

— Как вы? Сильно досталось?

¹ Баклан — хулиган (*жаргон*).

— Пожалел волк кобылу...— не поворачивая головы, буркнул тот, облизывая разбитые губы.

— Что? — растерянно переспросил атлет.

— Да то! — Мужика прорвало, лицо исказила гримаса злости, боли и отчаянной готовности ко всему.— Что ты комедию ломаешь! Ты такой же, как они! Между собой что-то не поделили, а теперь спасителя разыгрываешь? Да я бы всех вас к стенке ставил без разговоров! К стенке!

Лицо парня окаменело. Он молча повернулся и пошел прочь.

От реки тянуло прохладным ветерком, но он не освежал обнаженного торса. Парень уже давно не мог почувствовать себя раздетым. Сняв одежду, он не становился голым, как все нормальные люди. Причудливые татуированные узоры: все эти купола, звезды, кресты, погоны, цепи, кинжалы — так густо покрывали тело и так глубоко въелись в кожу, что превратились в тонкий плотный панцирь, кольчугу, мешающую ощутить умиротворяющую прохладу выглаженных простыней или расслабляющее тепло пара доброй баньки, насладиться ласковыми каплями летнего дождя или нежными прикосновениями пальчиков любимой женщины.

Эта броня из синей туши отделяла его от всей остальной вселенной тем особым смыслом, который был зашифрован в линиях рисунков, в странных, неизвестных большинству людей символах, понятных лишь немногим надписях... К тому же нарисованный мир жил своей жизнью: звонили колокола, лязгали мечи и кинжалы, скрипела колючая проволока, звякали цепи, переговаривались, ругались, ссорились и мирились орлы, черти, русалки, рыцари...

Все они отличались от привычных сказочных персонажей специфическим значением каждого изображения, и мало кто знал, что, например, кот в цилиндре и

бабочке, выколотый на левом предплечье,— не просто забавная зверушка, а Коренной Обитатель Тюрмы. Это были буйные, сварливые и малоприятные особи, с жестокими законами бытия, деформированными представлениями о добре и зле и вывернутой наизнанку моралью. Являясь частью его существа, они, конечно же, оказывали влияние на своего носителя, но не удовлетворялись этим и пытались полностью навязать свою волю, диктовать чувства, мысли, поступки.

Вот и сейчас кот с левого предплечья — символ фарта и воровской удачи — поправил когтистыми лапами шегольский цилиндр и недовольно прошипел:

— Дал он им хорошо. Только чего было за какого-то вахлака мазу тянуть? На хер он нам нужен?

— Ни за что ребят обидел! — поддержал кота пират с правого плеча. Он был с серьгой и в косынке, вместо одного глаза — черная повязка, в зубах зажата финка с надписью «ИРА». Надпись не имела отношения ни к женскому имени, ни к Ирландской революционной армии: просто аббревиатура, означающая угрозу: «Иду резать актив».— А самому бы понравилось — ни с уха, ни с рыла — и по рогам?

— Заткнуться всем! — рявкнул носитель татуированного мира. Живо обсуждавшие происшествие дядька с кульком и две женщины испуганно замолчали и шарахнулись в стороны. На всем протяжении пути этот эффект повторялся: когда он проходил мимо, люди переставали разговаривать, зато сзади немедленно всколыхивался оживленный шепоток. Он знал, о чем говорят у него за спиной.

Между тем к месту недавней драки подкатил раскрашенный милицейский «форд».

Долговязый и татуированный уже очухались и теперь откачивали сотоварищей. Ослабевший от потери крови Карзубый наконец сел, привалившись к скамейке, и озабоченно двигал пальцами отвисшую, тихо по-

хрустящую челюсть. Рябой не приходил в сознание, из носа сочилась густая черная кровь. Чуть в стороне приводила себя в порядок их недавняя жертва.

— Что тут произошло? — строго спросил сидящий за рулем сержант. У него было грубое, будто вырубленное топором лицо и недобрые глаза.

Никто не отвечал. Потерпевший не собирался связываться с милицией, а блатным кодекс чести не позволял «кидать заяву». На мужика, впрочем, патруль внимания не обратил: по сравнению со своими обидчиками он имел вполне пристойный вид, благодаря чему смог неторопливо отойти в сторону и затеряться в сумерках.

— У кого спрашивают? — открыв правую дверцу, высунулся из машины флегматичного вида лейтенант с округлым и мягким, будто только что выпеченная слобда, лицом: неподрумяненная булочка с глазками-изюминками и мятым ртом. По сравнению с водителем он держался менее уверенно, и если бы не знаки различия, можно было подумать, что это он находится в подчинении у сержанта, а не наоборот. Возможно, в реальной, а не уставной жизни так и было. Но лейтенант знал о производимом впечатлении и при каждом удобном случае старался его рассеять.

— Вы что, оглохли? Может, уши прочистить? — нарочито грубо произнес лейтенант и помахал увесистой резиновой палкой. — Что случилось?

— Что, что, — не поворачиваясь, пробурчал долговязый. — Или не видите? «Скорую» вызывать надо — вот что!

— Щас ты у меня покомандуешь, — мрачно пообещал водитель и полез наружу. Задняя дверь «форда» распахнулась, и, подкрепляя весомость слов напарника, там обозначился еще один, стриженный наголо милиционер в скрывающем погоны бронежилете и с коротким автоматом наперевес.

— Товарищ лейтенант! — К машине подскочил крупный мужчина с полиэтиленовым пакетом в руке и зашептал что-то в самое ухо офицеру, показывая пальцем в сторону Комсомольского проспекта.

— Один, что ли? — мигнул глазами-изюминками старший патруля.— Как же он с четырьмя справился?

— Такой бандит десятерых зарежет! Весь в наколках, живого места нет, видно, из лагеря не выходил! Вы поосторожней с ним...

Лейтенант озабоченно кивнул. Захлопнулись дверцы, и «форд» рванул с места.

Метров через восемьсот они догнали того, кого преследовали.

— Ничего себе! — присвистнул шофер.— Видели когда-нибудь такого синюка? ¹ Ну зверюга...

— Когда в конвойке работал, видал я всяких расписных ²,— сказал милиционер в бронежилете.— Но сейчас их мало...

— Так чего делать будем? — размышлял вслух лейтенант.— С одной стороны, он своих же дружков раскатал, нам вроде и дела нет. Но он еще чего угодно залепит на нашем участке...

— Брать надо! — водитель азартно припал к рулю.

Подпрыгнув на бордюре, «форд» легко выскочил на тротуар и преградил дорогу голому по пояс светловолосому парню.

— Стоять, руки на затылок! — рявкнул сержант, выскакивая из машины, и одновременно вытянул задерживаемого палкой поперек спины. Литая резина смачно впилась в мускулистое тело, багровая полоса под лопатками перечеркнула упитанного монаха в развевающейся рясе, усердно бьющего в большой и маленький колокола.

¹ Синюк, синий — неоднократно судимый преступник, густо покрытый наколками (*жаргон*).

² Расписной — человек с большим количеством татуировок (*жаргон*).

— Кхе! Кхе! — Резкий кашель вырвался из груди парня, дыхание у него перехватило, глаза вылезли из орбит.

— Руки! Руки, тебе говорят! — Ствол автомата въехал в солнечное сплетение, оставив отпечаток раструба в наверхши массивного креста с распятой женской фигурой.

Расписной согнулся. Его вырвало.

Водитель и стриженный сноровисто завернули руки назад, лейтенант быстро надел наручники.

— Готово! — Офицер с облегчением вздохнул и вытер вспотевший лоб. — Иванцов, обыщи его! А ты, Уткин, сторожи — вдруг бечь кинется... Или в воду нырнет...

Сержант-водитель обшарил джинсы, вытащил электронную записную книжку и портмоне из натуральной кожи.

— Гля, чего теперь синюки носят! Культурные, гады, стали...

Лейтенант протянул руку, но водитель дал ему только пластмассовый футляр блокнота, а портмоне сунул себе в карман.

Расписного затолкали на заднее сиденье, Иванцов поднял с земли разорванную рубашку и засунул задержанному под мышку.

— Держи при себе свое добро! — сказал он, подмигивая Уткину. — Нам чужого не надо!

Оба засмеялись.

— Хватит зубы скалить, — раздраженно сказал лейтенант. — Давайте в отделение!

— Есть, командир! — с едва заметным шутовским оттенком ответил Иванцов и снова подмигнул напарнику. — Надо еще захватить переобуть его. Зачем в камере такие кроссовки?

«Форд» быстро набрал скорость и мягко помчался по широкой магистрали. Несмотря на великолепные ходовые качества, внутри он имел обычный затрапезный вид, характерный для любого отечественного патруль-

ного автомобиля, который возит не ухоженных мужчин и изысканных женщин, а пьяниц, наркоманов, преступников и проституток. Порванные коврики, обшарпанные, в пятнах, сиденья, густой дух невымытого человеческого тела, пролитого вина, табачного дыма, оружейной смазки... Сейчас в салоне непривычно запахло хорошим парфюмом.

— От кого это так поперло? От него? — завертел головой лейтенант.

Уткин переложил автомат в другую руку и, наклонившись, обнюхал задержанного.

— Точно... Как в парикмахерской!

— Странно! — Офицер машинально поправил фуражку.— Обычно от них только потом воняет. Да и одет он не так... Что скажешь, Иванцов?

— А нам чего? Отвезем, пусть разбираются...

У водителя заметно испортилось настроение. Если в машине сидит не спившийся босявка, а какой-нибудь шишкарь со связями, «новый русский» из бывших зэков, то это задержание может иметь самые непредсказуемые последствия для всего экипажа. Впрочем, такой вариант маловероятен. Ни крутой тачки, ни телохранителей, ни мобилы¹, да и денег не густо... К тому же шишкари не дерутся на кулаках и не расхаживают по улицам, выставив напоказ татуировки...

Несколько минут сержант напряженно размышлял, потом все-таки поинтересовался:

— Слышь, мужик, ты сам откуда? Не местный?

Задержанный прокашлялся.

— Из Тиходонска... Чего ж ты сразу не спросил — кто да откуда?

Голос у него был сиплым и прерывистым, будто в трахее застряли кусочки отбитого легкого. Водитель облегченно вздохнул.

¹ М о б и л а — мобильный телефон (сленг).